

Шостаковича); проводили параллели: *Шостакович и Глазунов* (В.В. Смирнов), *Шостакович и Хиндемит* (Л.Г. Ковнацкая); пристально вглядывались в работы консерваторских ученических и педагогических лет: *Четырехручные переложения в творчестве и музицировании Шостаковича* (И.А. Барсова. Москва); *Ученические оркестровки сонат Бетховена* (А.И. Климовицкий); философствовали о психологической подоплеке личности композитора: *Идея потерянного рая в музыке Шостаковича* (Л.О. Акопян. Москва).

Л.Г. Ковнацкая и А.И. Климовицкий

Статистика вещь упрямая. Допустив только лишь метод констатации фактов, не сложно составить картину конференции. Скептик и тот не смог остаться равнодушным к тому, что прозвучало из уст О. Дигонской, Е. Власовой, Л. Ковнацкой, к такому изобилию тем, которые тут же после доклада неформально, энергично и живо обсуждались аудиторией и докладчиками. А количество слушателей от начала конференции до самого ее конца значительно превышало скромные размеры конференц-зала.

Заявленная тема конференции — отнюдь не приманка для слушателя, она максимально точно отражала содержание всех докладов. Именно сейчас в России применительно к имени Шостаковича актуальны эти слова. Есть что открывать в архивах и есть что заново пересмотреть в традиционной научной мысли и опубликованных опусах. Интенсивность открытий в шостаковичеведении одного консерваторского дня значительно превысила их количество и качество за годы. А если попробовать представить себе, что вынесенный в 20-минутный доклад материал — лишь репрезентирующая часть темы и крупица в постоянно пополняющейся, углубляющейся и разветвляющейся мысли о Шостаковиче, то читатель сможет ощутить огромный масштаб научной работы, в процессе которой для всех открыты двери. Welcome!

Анастасия ВОЛКОВА

История музыки от Ричарда Тарускина

Вспомним один из любимых вопросов Умберто Эко: «С чего начать?». Писать о человеке, о котором уже при жизни ходят легенды, очень трудно.

Появление Ричарда Тарускина в Санкт-Петербурге было, с одной стороны, неожиданным, но, с другой, закономерным. Любопытные, для

которых история музыки остается сферой непрофессиональных интересов или областью смежных интеллектуальных штудий, без усилий могут найти информацию об этом ученом в Интернете. Научный имидж, который складывается благодаря самым разнообразным статьям, не может не заинтересовать публику любого ранга и возраста. Эпитеты в духе: «скандальный ученый и публицист», «блестящий музыковед из Беркли» — это все о нем. Можно осторожно предположить, что Стравинский не случайно является для Тарускина приоритетной в многочисленном списке почитаемых фигур, так как реноме второго не менее экстравагантно, чем первого.

«Многие говорят, что им не нужны возбуждающие впечатления, но мы возьмем на себя смелость заявить, что большая часть людей активно их ищет», — восклицал Э. Берн. И как тут не верить психологам? Если на первой лекции в Европейском университете с интригующим названием «Евреи и жидаы...» аудитория не была заполнена, как можно было бы представить, то выступление ученого в Консерватории с докладом в рамках международной конференции, посвященной Д. Шостаковичу, и последующая лекция о цензуре заметно усилили к нему внимание. Разумеется, причиной этому были идеи мэтра, которые повлекли за собой самые полярные мнения присутствующих. Для одних стиль работы Тарускина с материалом и манера его репрезентации явились моделью американского музыкознания, которая существует параллельно отечественной. А для иных — предмет особого интереса в связи с самим процессом детективно-научных рассуждений Тарускина. Обратимся к историям музыки по-Тарускину:

Раунд I. «Еврейская диаспора в Санкт-Петербурге: формирование русской национальной композиторской школы?»

Невероятно, но факт. Данная фраза, давно ставшая афоризмом, как нельзя деликатно формулирует специфику ситуации. Еврейский вопрос — вечный вопрос. Вспомним знаменитое изречение А. Эйнштейна: «если теория относительности подтвердится, то немцы скажут, что я — немец, а французы — что я гражданин мира; но если мою теорию опровергнут, французы объявят меня немцем, а немцы — евреем». Р. Тарускин, открывая лекцию о евреях, начал свое повествование, прежде всего, с себя. (Введение в «тарускиновиану»?) Кочующая еврейская проблематика в творческих артефактах русской композиторской школы и визуально-аудиальные подтверждения этому — вот что действительно вызвало у многих и вопросы, и удивление, и желание самим заглянуть внутрь многочисленных интенций.

Раунд II. «Цензура: секреты культурной политики или “а как это было на самом деле?”»

Интеллектуальные анналы Тарускина, посвященные проблемам цензуры и в некотором смысле продолжавшие еврейский вопрос, сфокусировали внимание аудитории на иных ракурсах творческой повседневности.

Художественные импликации и культурная политика: процессы взаимодействия и характер коррелирования на текстовом, а также собственно музыкальном уровнях от Глинки до Стравинского и американских композиторов. Хоть проблема и не нова, но эксклюзивные историко-культурные факты всегда остаются фактами, особенно, когда они являются или малоизвестными, или неизвестными, или известными, но забытыми, а лабиринты аналитической трактовки — авторскими. Более того, заинтересовать и заинтриговать публику научными штудиями — искусство.

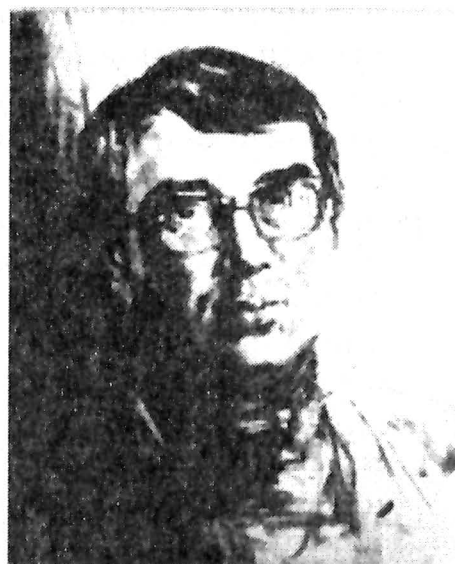
Раунд III. Послесловие...

Главное же то, что Тарускин *пробуждает к жизни* историю музыки, возмущая привычно-инертный ход мысли.

Ирина ГОЛЫШЕВА

«Многим я обязан Вологодчине»

«Вологда для меня не только место, где началась моя музыкальная жизнь, но это место, где я впервые познакомился очень широко с жизнью во всех ее проявлениях... Здесь жили люди, которые мне первыми объяснили, не на словах, а по-разному, что такое доброта, что нужно ценить прежде всего в жизни, ценить в людях, здесь я впервые услышал русскую народную музыку, слышал песни, танцы, обряды, увидел гулянья, увидел человеческое горе, страданье... И, наверное, отсюда, из Вологды, я вынес и главную тему своего творчества»¹. Так писал о своей малой родине композитор. Именно Вологодский край дал Валерию Гаврилину те незабываемые впечатления, которые проносятся людьми через всю жизнь. Композитор всегда с огромной теплотой говорил о вологжане — жителях родных деревень Перхурьево и Воздвиженье, любимой учительнице Татьяне Дмитриевне Томашевской, подаривших ему частичку своей души. А что же Вологда, воспетая Валерием Гаврилиным в его музыке, помнит ли она «певца своей земли»?... Конечно же, помнит, и не просто помнит, а чтит память одного из удивительнейших композиторов современности!

¹ *Гаврилин В.А.* Выступление в телефильме «Композитор Валерий Гаврилин» // *Слушая сердцем... Статьи. Выступления. Интервью.* — СПб.: «Композитор» Санкт-Петербург, 2005. С. 116.